

Т. И. Краснова

РОССИЙСКИЙ ДИСКУРС ЭПОХИ КРИЗИСА:

ИСТОРИКО-МЕНТАЛЬНЫЙ ФОН

И «ОТВЕТНЫЕ» ЧЕРТЫ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ

Представленная работа имеет отношение к характеристике эмигрантского газетного дискурса эпохи революционного кризиса (1917-1922). Несмотря на территориальную удаленность и разделение изданий по такому критерию, как отношение к новой власти в России, их все же объединяет некая общая манера (способ) речевого поведения в форме коллективного проявления воли. С учетом характера изучаемых источников – газет русского зарубежья, в числе которых есть газеты социал-демократического толка, необходимо отметить, что «переоценка ценностей», связанная с революцией, превратилась для них в основу программ коллективной деятельности. Одной из главных задач партий и группировок оставалась оппозиция к власти при осознанном призвании утверждать новый строй жизни и новое общество, т.е. новую культуру. Однако в условиях зарубежья эта деятельность, обращенная в сторону России, оставалась больше декларативной. В нашу задачу входит характеристика российского дискурса как фона и контекста словесной культуры эпохи революции, как России, так и ее зарубежья.

Согласно исследованиям [1], исторически доминирующие идеологии с их методами и приемами (в науке их называют парадигмами) в течение определенного времени дают тем или иным сообществам модели постановки проблем и их решений. Во всяком случае, интеллектуальная среда на них ориентируется в своем восприятии и, может быть неосознанно, в творчестве [2, с. 208].

Речь пойдет о закрепившихся в социогуманитарном познании философско-мировоззренческих идеях установочного характера, свойственных творческому (элитарному) мышлению не только в России, но и в Европе конца XIX – начала XX вв. Ведущими в мировоззренческой системе мышления европейского человека выступают в это время идеология монизма и модернизм.

Краткое определение *монизма* находим у Г. В. Плеханова, отметившего, между прочим, что «наиболее последовательные и наиболее глубокие мыслители всегда склонялись к монизму, т.е. к объяснению явлений с помощью какого-нибудь одного принципа (*monos* по-гречески значит единый)» [3, с. 510]. Г. В. Плеханов был последователем монизма, развивающим его на историческом материале. Взгляды и принципы философа оказывали прямое влияние на социал-демократические издания в России и за рубежом. Таким

изданием была, например, русская эмигрантская «Народная газета» в Северной Америке (Нью-Йорк).

Важнейшей категорией в характеристике духовной жизни Европы и России изучаемого периода является *модернизм*. Наиболее известны исследования модернизма в области художественной культуры. Там модернизм часто отождествляется со своей ранней фазой – авангардизмом, и рассматривается в конкретных хронологических рамках, говоря условно, с 1890 по 1968 год. Но понятие модернизма тесно связано не только с искусством, оно относится также к науке и философии. В. П. Руднев считает проявлениями модернизма в культуре XX в. такие ключевые явления, как психоанализ, теория относительности, аналитическая философия, кибернетика или структурная лингвистика [2, с. 178].

Феномен модернизма в философии тесным образом связан с переходом от традиционного общества к индустриальному, т.е. со становлением капитализма и появлением самостоятельности индивида, способного преобразовывать мир по собственной воле. В русле европейской традиции культуры, модернизм выступал по отношению к социуму как *культура отрицания*, как «воинствующий антинормативизм» [4, с. 438]. Характерная черта всякого модернизма – установка на эпатаж. Существует мнение, что модернизм (авангард) в искусстве создает не новую эстетику, а новую *риторику* как систему воздействия на читателя. Одним из важнейших приемов этой риторики является именно эпатаж: желание удивить, поразить нарушением общепринятых правил. Л. М. Грановская, с опорой на литературные и языковые источники, отмечает характерные для стиля эпохи модернизма *контрасты экспрессии*: с одной стороны – патетика архаических наименований [5, с. 229, 233], библейские темы и образы, возрастание эстетической функции цитаты [5, с. 113, 140, 226-228], символизм образов (включая графический символизм заглавных букв) [5, с. 181-183], бурное развитие политического красноречия с его шаблонами декламационного стиля, гипертрофия оценочных средств [5, с. 207-209]; с другой стороны – разговорно-бытовая речь в текстах [5, с. 229, 233]; "невыносимо народный, цветистый, прибауточный и часто темный язык" (выражение принадлежит А. Г. Горнфельду) [5, с. 260]; вызывающая враждебность, срамословие («копролалия») и злословие [5, с. 148, 153]. В то же время Л. М. Грановская приводит слова И. Бунина о «напыщенном стиле большевистских газет» [5, с. 248], обращает внимание на приподнятость тона, романтическую фразеологию и метафорические излишества в **печати** времен гражданской войны.

Перечень человеческих характеристик героя *эпохи модернизма* оставляет впечатление, знакомое по артефактам кино, театра, литературы, изобразительного искусства. Они (см. ниже) напоминают образы революционной эпохи, точнее – неустанно воспроизводившийся в искусстве тип деятельного оппозиционера. К культивируемым качествам человека эпохи модернизма относятся активность (динамизм, энтузиазм); непримиримость, потребность действовать против чего-либо или против кого-либо; нигилизм, стремление без колебаний преодолевать традиционные преграды, презирать

общепринятые ценности; культ молодости и новизны, устремленность в будущее; экспериментализм, стилевое новаторство; эпатажность и революционность (в культурном смысле) [6]¹. Исторически жесткую оценку этой доминирующей в искусстве модернизма темы дает Ю. Н. Солонин: «Тема героической личности, провидца новых ценностей и смыслов жизни, бескорыстного героя, подчиненного порывам благородного риска и подвига, презирающего толпу и безопасное бытие ничтожества, пропитала всю нравственность эпохи. Она толкала человека в рискованные ситуации, облагораживала бесчеловечность, формировала презрение к нормальной жизни и снимала с него бремя социальной и личной ответственности» [7, с. 152]. Не случайно примечательную черту литературного стиля эпохи составляет «развитость комментирующих систем изложения» [5, с. 133, 137]. Французский философ Лиотар в целом определил модернизм как культуру «метанарративов», определенных социокультурных доминант, своего рода властных установок, задающих «легитимизацию того или иного (но обязательно одного) типа рациональности и языка» [4, с. 368]. Правда, несмотря на зависимость таких правил от контекста истории, «проигравшим» всегда неизбежно оказывается потребитель, подчиненный, – указывает А. Я. Сарна [4, с. 368].

Модернистская традиция в искусстве предполагает *программный концептуализм* и функциональную *силу поэтики* в произведении. Понятийное мышление в этой традиции становится составной частью творческого процесса. Отсюда рождается потребность в *метатексте*, так как искусство вырабатывает свои законы, систему новых методов и новую оценочную шкалу, которая требует пояснения. Эти специфические тенденции духовной жизни западной цивилизации XIX в. включали *ставшую традиционной претензию на четко артикулируемую истину*. В дальнейшем постструктуралисты, анализируя существующую традицию, усматривали главную ее особенность именно в *логоцентризме*. Создать (и понять) текст означало подчинить его смысловым доминантам и стереотипам, господствовавшим в сознании. Велико было влияние идеи прогресса. В дальнейшем эта идея стала считаться одним из «мертвых» мифов западного мира. Но поскольку в основе мировоззренческой модели Нового времени было дидактично-рационалистическое миропонимание, на почве логоцентризма родились тоталитарные идеологии и экстремистско-революционные попытки подчинить им ход истории.

Вслед за Ю. Н. Солониным подчеркнем следующее. Модернизм не просто категория сферы искусства, художественной практики, литературы; это важнейшая культурная эпоха современной истории. Считается, что события XX столетия не доступны верному пониманию, если не признать того решающего значения, которое имел для общего духовного переворота модернизм. В

¹ Автор статьи отмечает, что экстремистский радикализм в области искусства не обязательно предполагал политическую активность. В России действительно существовал известный союз авангардистов с революционным движением. Но считается, что он носил временный характер: «сознание художника-авангардиста склонно оценивать в качестве конгениального идеал анархизма» [6, с. 438].

частности, Ю. Н. Солонин в статье «Аспекты моральной философии модернизма» говорит о последствиях эпохи, которая произвела принципиальные изменения в характере мышления европейского человека. Она создала *особый тип сознания*, подчинившегося влиянию новых ценностей и постепенно оказавшего преобразующее воздействие на строй жизни. Модернистское мышление отбросило предшествовавшие ему формы рациональной культуры. «Историзм модернизма выражался в смысловых экспликациях категорий катастрофы, метаморфозы, порыва к жизни, воли, власти и подобных им. Эти экспликации фиксировались в теориях борьбы, революции, жертвенности, творческого взрыва, ставших основой новой философии действия, наделенного весьма внушительной суггестивной установкой» [7, с. 149].

Еще немного об историческом аспекте ментальности. Элитарное сознание в революционную эпоху в России трудно представить без знаменитых сборников критических статей о русской интеллигенции, о ее роли в освободительном движении («Вехи», 1909 г.) и социально-философских статей о русской революции («Из глубины», 1918-1920). Их влияние в среде интеллектуалов невозможно переоценить. Сборники были хорошо известны за рубежом. Отголоски мотивов статей о русской революции («Из глубины») слышатся в газете «Общее дело» В. Бурцева.

Задачу характеристики влияния указанных сборников на идеологию значительной части интеллигенции мы здесь не ставим². Отметим только одну особенность общей судьбы их авторов: все они в разной степени были связаны с марксизмом и революционной социал-демократией, затем перешли к более умеренному пониманию социализма и утверждению идеалистических оснований общественности, предпринимали попытки построения либеральной доктрины на религиозных основаниях [9, с. 96]. Авторы сборника «Из глубины» (Н. А. Бердяев, С. А. Аскольдов, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, Вяч. Иванов и др.) попытались объяснить происходящее в России со стороны не всегда осознанных проявлений «русского духа», включая творчество великих писателей (Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя). Сборник продолжил традицию, начатую в 1909 г. сборником «Вехи». Авторы расценивали сборник «Вехи» как призыв и предостережение, которое, несмотря на вызванную им яростную полемику, «явилось на самом деле лишь р о б к и м диагнозом пороков России и с л а б ы м предчувствием той моральной и политической катастрофы, которая грозно обозначилась еще в 1905 -1907 гг. и разразилась в 1917»³.

Смысловые выводы из катаклизмов русской революции, включая войну, авторы сборника «Из глубины» переносят на *поле битвы между злом и добром*. При этом «противоположение религии и революции», борьба «света» и «тьмы»,

² См. об этом в предисловии к изданию: [8].

³ См. «Предисловие издателя» П. Струве к сборнику «Из глубины» «Предисловие издателя» П. Струве к сб. «Из глубины» [10] (разрядка дана в первоисточнике – Т.К.).

звериный образ революции достаточно традиционны для общих смысловых представлений того времени. Необычными были другие положения авторов, проявивших способности к психоанализу (субъективного фактора истории). Ключевыми словами во вводной части статьи Н. А. Бердяева «Духи русской революции» [11, с. 149] стали слова «катастрофа» и «темная бездна». Авторам сборника видится глубокая разница в психологии внешних и внутренних войн. В гражданской войне классовая вражда и борьба партий гораздо более совпадают с чувствами личной вражды и ненависти, чем всякого рода столкновения между государствами, где личный и общегосударственный интерес разобщены друг от друга множеством чрезвычайно сложных промежуточных отношений» [12, с. 34] (С. А. Аскольдов). Авторы пишут о «практике живых сил эгоизма», вытекающих из принципа, обозначаемого, как классовая борьба»; о «сравнительно невинной личине злого зверя», имеющей свою персонификацию в «третьем герое русской революции», Ленине (первыми двумя героями С. А. Аскольдов признает В. Соловьева и А. Керенского). К «злому гению России» Н. А. Бердяев относит Л. Толстого (ему вменяется крайний анархизм, индивидуализм и «ложная, злая святость»). Согласно автору, метафизическая диалектика Ф. М. Достоевского и моральная рефлексия Л. Н. Толстого определили внутренний ход революции. Если же пойти вглубь России, – пишет автор, – то «за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи» [11, с. 68].

«Много есть русских бесов, которые раскрывались русским писателям или владели ими», – считает Н. А. Бердяев, – бес лжи и подмены, бес равенства, бес бесчестья, бес отрицания, бес непротivления и мн., мн. другие» [11, с. 69]. «Моральная настроенность русского человека характеризуется не здоровым вменением, а болезненной претензией» [11, с. 94]. Начала «тяжелой болезни» авторы связывают со слишком частыми и слишком интенсивными в России «прививками революционного фермента», которые нашли благоприятную почву в «относительно ничтожном по численности слое русской интеллигенции» [12, с. 48]. Болезнь русского нравственного сознания им видится в «отрицании личной нравственной ответственности и личной нравственной дисциплины, в слабом развитии чувства долга и чувства чести» [11, с. 94] (Н. А. Бердяев). Говорится о «распаде русской души», о том, что противорелигиозная психология «воспитала в массах чувства классовой ненависти, самоуверенности, преувеличения своего значения, вообще психологию самоутверждения во всех отношениях» (С. А. Аскольдов).

В русской революции есть и свой положительный смысл. «В революции народ изживает свои соблазны, свои ошибки, свои ложные оценки [11, с. 105]. (Н. А. Бердяев «Духи русской революции»). Надо «развязать» сложное сплетение добра и зла» для того, «чтобы от зла можно было радикально и окончательно отречься». При этом «готов утверждать, что социализм, понимаемый в смысле социальной справедливости, имеет полное основание рассматриваться и с гуманистической и даже с религиозной точки зрения

имеющим на себе некоторое историческое благословение» [12, с. 37] (С. А. Аскольдов, «Религиозный смысл русской революции»).

Стоит напомнить, что большая часть печатных материалов поступала в эмигрантские газеты все же из России и, следовательно, была под влиянием той или иной группы идеологов.

Далее перейдем к вопросу о языке, как он виделся авторам сборника «Из глубины» во времена борьбы за власть в России.

Дискурс власти и ответный "образ языка". В современную нам эпоху постструктурализм пытается обнаружить за всеми культурными феноменами дискурс власти с ее всепроникающей способностью «пресекать», «координировать» любые социальные структуры и тенденции. Близкое по духу критики, хотя отдаленное по времени, историко-социальное отражение темы «язык и власть» находим в статье Вс. Иванова «Наш язык» [13] (сборник «Из глубины»). Фрагмент текста мы рассмотрим подробнее.

По мысли автора (совпадающей с нынешним общепринятым мнением) Россия в ее духовной субстанции существует в *языке*, «многовместительном и метком», совмещающем «необходимость и свободу», божественное и человеческое, «создание духа народного и Божий народу дар» [13, с. 170]. По выражению Вс. Иванова, язык дан русскому народу как «соборная среда, совокупно всеми непрестанно творимая», обуславливающая всякое творческое действие «в самой колыбели его замысла» [13, с. 170]. Удивительно богатство этого языка, но «Что же мы видим ныне, в эти дни буйственной слепоты, одержимости и беспамятства?» [13, с. 172]. Далее речь идет об изменениях в языке. Описанная картина мотивирована экстралингвистическим фоном событий так, что метаязыковая тема (обращение с языком) предстает как тема насилия. Реально существующие виды насилия в обществе отзываются в описании образом насилия, производимого над языком. Актуализируется смысл разрыва русской речи с традицией.

Ведущие зачины высказываний отмечены многократным повтором имени *язык* с именным сказуемым. В своей лаконичной предметной статике зачины отграничены двоеточием от противительно-распространительных частей, по семантике деструктивно акциональных: «Язык наш свят: *его кощунственно оскверняют богомерзким бесивом... Язык наш богат: уже давно хотят его обеднить, свести к насущному, полезному, механически-целесообразному... Язык наш свободен: его оскопляют и укрощают; чужеземной муштрой ломают его природную осанку, уродуют поступь*» [13, с. 171-172]. Двоеточия символизируют разрыв между образом языка – «уготованного Провидением дара народу» [13, с. 170], и языком механическим, обиходно орудийным. Вс. Иванов считал, что в обиходе образованных слоев общества язык уже давно растратил то исконное свое достояние, которое А. А. Потебня называл «внутренней формой слова»: «она ссохлась в слове, опустошенном в ядре своем, как сгнивший орех» [13, с. 173]. Слово обратилось в условный меновой знак, обеспеченный лишь наличным запасом понятий. Оно стало орудием обыденных потребностей: «язык наших грамотеев уже не живая дубрава народной речи, а свинцовый набор печатника». «Чувствование языка в

категории орудийности» составляет психологическую подоснову обеднения языка: «чувство формы нам претит: разнообразие форм противно началу все изглаживающего равенства», – отмечает писатель. Он говорит об «умонастроении, почитающем единственным мерилom действенной мощи – ненависть, первым условием творчества – разрыв» [13, с. 173]. Говорится об интересах культуры, которая по своему существенному признаку должна пониматься прежде всего как преемственность. Притязания власти подчинить направление преобразований одной (утилитарной или иной) тенденции названы опасными.

Однако исторически это удалось как раз на волне модернистского дискурса власти в России. Мы уже знаем, существует связь между практикой «авторитарной речи» (исходящей от лица, наделенного властью) с одной стороны, и теорией и практикой речи, называемой литературной, с другой. Иосиф Бродский в беседах с С. Волковым так говорил о языке, которым пользовалось государство: он «во многих отношениях – не русский. Это язык сильно онемеченный, загаженный жаргоном марксистских трактатов начала века, полемики Ленина с Каутским и пр. Это жаргон полемических социал-демократических программ, который внезапно оказался языком людей, пришедших к власти» [14, с. 107]. И этот субъектно-объективированный для особых целей язык власти сам стал властным субъектом, воздействуя на человека, нацию, на прежний язык. «Платонов говорит о нации, ставшей в некотором смысле жертвой своего языка, а точнее – о самом языке, оказавшемся способным породить фиктивный мир и впадшем от него в грамматическую зависимость» [14, с. 67]. Размышляя о судьбе и «писательском инстинкте» А. Платонова, «об имперсональном характере происходящего» в его произведениях, «об ощущении безжалостной, неумолимой абсурдности, исходно присущей [в них] языку», Бродский отзывается: «Закрывать его книгу – все равно что проснуться с изменившимся лицом» [14, с. 56].

Источники и литература

1. *Язык и наука XX в.*: сб. ст. М.: Рос. Гос. гуманит. ун-т, 1995. 432 с.
2. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века. М.: Аграф. 1999. 382 с.
3. *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. М.: ГИПЛ, 1956. Т. 1. С. 507-739.
4. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск: Изд-во В. М. Скакун, 1998. 896 с.
5. *Грановская Л. М.* Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: очерки. М.: Издательство Элпис, 2005. 448 с.
6. *Усманова А. Р.* Модернизм // Новейший философский словарь. Минск: : Изд-во В. М. Скакун, 1998. С. 438.
7. *Солонин Ю. Н.* Аспекты моральной философии модернизма // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. Материалы научной конференции. 26-27 сентября 2000 г.

Тезисы докладов и выступлений. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 148-152.

8. *Колеров М. А., Плотников Н. С.* Русская интеллигенция и национальная судьба // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 5-16.

9. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М.: Наука. 1995. 624 с.

10. Из глубины. Сборник статей о русской революции // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. М.: Русская книга, 1992. С. 28-346.

11. *Бердяев Н. А.* Духи русской революции // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. М.: Русская книга, 1992. С. 67-106.

12. *Аскольдов С. А.* Религиозный смысл русской истории // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. М.: Русская книга, 1992. С. 29-66.

13. *Иванов Вяч. И.* Наш язык // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. М.: Русская книга, 1992. С. 170-176.

14. *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским / вступительная статья Я. Гордина. М.: Издательство «Независимая Газета», 2000. 328 с.

15. *Бродский И.* Поклониться тени: эссе. СПб.: Азбука-классика. 2006. 896 с.

Статья поступила в редакцию 13 октября 2011 г.

